

ВАДИМ МОЛОДЫХ

ПУСТЫЕ ГОЛОВЫ

Вадим Молодых

Пустые головы

«Издательские решения»

2015

Молодых В.

Пустые головы / В. Молодых — «Издательские решения», 2015

В повести «Пустые головы» автор повёл речь о людях вообще без мозгов... Да-да, таких много, оказывается, хоть так просто их и не распознать — с виду люди как люди. Однако же главный герой, невольно озаботившийся этим сенсационным и в то же время привычным в обыденности фактом, становится объектом шантажа и вынужден решать ещё и эту проблему. Ни на миг, впрочем, не забывая об основной своей «миссии» и подойдя таким образом к главному для него вопросу — а есть ли мозг в его собственной голове.

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Взгляд в детство и юность – Антон	9
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Взгляд в детство и юность – Мать	26
Глава 7	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пустые головы
повесть
Вадим Молодых

Смотри, это твой шанс узнать, как выглядит изнутри то, на что ты так долго глядел снаружи...

Иосиф Бродский. «Развивая Платона»

© Вадим Молодых, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть I

Глава 1

- Ну что там?
- Ничего нового... Труп как труп.
- Не надо входить. Оставайтесь за дверью...

Будничность в тоне произносимых слов, как будто речь шла об обыденности – а это и была обыденность для служивых людей! – внесла успокоение в пока только взволнованные, не успевшие ещё осознать и испугаться, души жильцов соседних квартир, собравшихся на площадке. Они с облегчением услышали последнюю фразу, ставшую начальственным оправданием их естественному нежеланию видеть мертвеца, тлен которого своим запахом побудил их поднять тревогу. Вернее, кого-то одного... скорее одну... из них. Кого именно – не важно было уже до такой степени, что он... то есть она и сама об этом не помнила. Как обычно – пенсионерка, целыми днями сидящая дома и пытающаяся хоть чем-то занять своё заслуженное и вынужденное безделье. Только ещё начинавшаяся трупная вонь, не заметная для других в их житейской суете, но неторопливо унюханная домовою активисткой, побудила её обратиться к старшей по дому – такой же пенсионерке-соседке, облечённой на общем собрании жильцов протокольными полномочиями.

Принюхались вдвоём. Озаботились. Стали судачить уже со всеми встречными и вспоминать сообща, давно ли видели жильца из тревожной квартиры – одинокого мужчину средних лет. Вежливого – всегда здоровался, но нелюдимого. Небедного, но не разгульного, хотя женщины его посещали часто. Некоторые приходили-уходили быстро, словно бы с осторожностью, оставляя свои машины не во дворе дома, а неподалеку в других местах, которые можно было бы назвать присутственными.

Активные домовые пенсионерки стали всматриваться. Одна из них в период межсерьальной телепустоты случайно услышала шедший с лестничной площадки звук осторожно и тихо закрываемой двери, обратила внимание на эту осторожность и, уловив плохо скрываемый и торопливый стук каблучков по ступеням, легко на цыпочках подбежала к окну, увидела выходящую из подъезда красивую, со вкусом одетую брюнетку. Шустро, забыв про любимые болячки и не забыв выключить газ под кастрюлькой с ещё недоваренной тыквенной кашкой, прямо в домашних тапках (благо было лето) на полусогнутых старческих ногах, оставаясь незамеченной, протрусила следом за красавицей. Та в квартале от дома села в хорошую дорогую машину и, запустив мотор, стала «наводить марафет», смотрясь в зеркало заднего вида.

«А лицо-то блаженное... Любовница! Замужняя... Точно!» – пенсионерка сполна удовлетворилась разведанными. Даже не столько самой аналитической информацией как таковой, сколько своим эксклюзивом на неё.

Она, конечно, поделилась потом во дворе своим знанием с соседками, млея от собственной осведомлённости. Но – тихо! Вполголоса... Шепоточком... С положенными в таких случаях конспиративными недомолвками и кивками – «тс-с-с, мол, сами понимаете».

А почему, собственно, тс-с-с? Да на всякий случай! Вежливый мужик... Приличный с виду... Не ханыга – ухоженный... Но слишком уж малоразговорчивый, словно засекреченный какой-то... «А может и впрямь засекреченный?! – Да и дамы у него непростые... Эта вот, например... Прячется ведь! Скрывается... – Любовница, ясно! – Но уж совсем как шпионка... – Она, кстати Шурка говорит, давно уже к нему ходит... – Да! Не часто... Видно мужа опасается, но давно. – Кто такая, интересно? Узнать бы... – Молчи, Клавдия, ну её к лешему! А то так узнаешь – не обрадуешься, что узнала, когда она или он про твоё знание понимать

начнут. – А ты думаешь, они не понимают?! Дураки они! – Не дураки! Понимают, конечно... Но знаешь... Не буди лихо, пока оно тихо! Много ты про них знаешь? Ну любовники. Ну и что? Мало таких?.. А кроме этого что? Не хотят люди вместе показываться, вот и не лезь! – Да я и не лезу...»

Так и посудачили... На том и порешили... И вот теперь – труп! Засекреченный – опять! – теперь полицией... Может быть и такой же ухоженный... Во всяком случае, этот мужчина, даже будучи трупом, в безобразном виде соседкам не представлялся.

– Чем покойный занимался?

Это был конкретный уже (а чего тут мямлить – всем всё понятно) служебный вопрос местного участкового, оставленного на лестничной площадке. Как оказалось, никто из соседей ничего толком не знал. Впрочем, служивый этому не удивился: весь контингент был, как из дома престарелых, – что могло быть общего у покойного с соседями? Крыша одна – жизни разные, удовлетворявшиеся обоюдным встречным «здрасьте», наглухо разделённые на квартирные ячейки... Хотя не так уж и наглухо! Запашок-то пошёл... Ну и слава богу! Что не наглухо, а не что запашок! Тьфу-тьфу-тьфу, спаси и помилуй, царица небесная...

– Как же так, Клавдия Петровна? – театрально, для вида и провокации, недоумевая, продолжал выполнение служебных обязанностей полицейский чин. – Сосед... покойный вам ключ доверял от своей квартиры, а вы про него ничего, как будто, не знаете... Так не бывает!

И папочку с зажатым в ней бланком протокола эдак перед грудью наизготовку – оп!

– А вот так вот! – соседка на подозрение разгорячилась вполне искренне – вероятно, от испуга, усилившегося большой волной трупного запаха, захлестнувшей всех из распахнутой двери. – Оставлял ключ бывало! Уезжаю, говорит... говорил, прости господи... в командировку, вы, мол, за попугаем присмотрите – семечек ему, зёрнышек там всяких – в коробке у него, оставлял на видном месте – водички ему, Петру, то есть – попугая так звал... Платочком клетку на ночь накрыть... А утром открыть – снять, значит, платочек-то... И вежливо так всегда... Клавдия Петровна, мол, прошу вас... То да сё... Вот ключ, мол... Показывал каждый раз, как замок открывается – работает, мол... Уезжал ненадолго всегда... Гостинчик привозил, как возвращался... Спасибо, мол, Клавдия Петровна...

– А куда он ездил?

– Не знаю! – соседка так распахнула глаза и вытянула губы в своём незнании, что любому человеку – даже полицейскому! – должно было стать ясно, что покойный сосед был не только вежливым, но и пугающим своей подчёркнутой вежливостью человеком – не допускавшим возможности лишних вопросов.

– А кроме воспитанности, других странностей за ним не замечали? – весёлый дознаватель уже развлекался соседкиным страхом.

– Да нет, как будто... Мужик... В смысле, мужчина видный...

Петровна осеклась, уловив свою чрезмерную верноподданную услужливость, чуть не столкнувшую её в обрыв сплетен про личную жизнь покойного.

– Мужчина как мужчина!

– А дома у него ничего необычного не видели?

Соседка задумчиво:

– Да нет вроде...

И сразу же, словно проснувшись и нырнув в суетливую живость:

– Да я и не смотрела там... Не ходила по комнатам-то... Как зайду, так сразу к Петру... попугаю, значит, егойному в комнату. Там его обихожу и домой! Ну поговорю с ним, с попугаем-то – он же у него говорящий! Кусачий только, страшный – носяра-то здоровый, в смысле, клюв, осторожно с ним надо, вредный, паразит... Ой! Извиняюсь... Вот...

Она так резко замолчала и с таким виноватым видом взглянула в полицейские глаза, что тот не мог не поверить – она действительно там, в чужой квартире, не задерживалась.

В строгости и на дистанции держал её – их всех! – покойный. И правильно делал. Для себя правильно. А вот для следствия... Н-да!

– Не уходите. Помните пока, кто к нему приходил?

– Так ить...

Участковый, повернувшись и заходя в смертную квартиру, не успел заметить мгновенную бледную растерянность, перекрасившую соседкино лицо в очень уместный неживой цвет.

– Так ить это... – ещё раз повторила она машинально в закрывшуюся дверь и, быстро соображая на автомате, сразу же настроила сама себя на безопасный лад. – Не знаю я. Не видела... Не смотрела!

Показательно, как будто подбадривая себя в своей отчаянной лихости неподчинения власти, фыркнула и не спеша, гордо подняв голову, мол, надо будет – сам найдёт, пошла домой. Остальные зеваки, подбадриваемые отчётливо пугающим уже запахом смерти, тоже начали расходиться.

– Ну что там у тебя?

Это был дежурный вопрос старшего в дежурной бригаде. Вопрос был задан не предполагавшим ответа тоном, а потому тут же последовало утвердительное продолжение:

– Завязывай там... Тут не дознаватель нужен, а следователь. Труп! Довольно ясный, вроде... Сам себя порешил... Даже письмо предсмертное есть... Но! Короче, прокуратура сейчас прибудет. Расскажешь, что узнал...

– Да я и... – начал было участковый, но и он, как соседка только что, оправдываться начал в спину адресата.

Что оставалось? И участковый снова прошел на непосредственное место происшествия – в комнату с трупом, который весьма его заинтересовал ещё до вызова дежурной бригады. Чтобы попусту не «маячить» спросил криминалиста:

– Ну что тут?

Эксперт поднялся и, не переставая с интересом глядеть на покойника, безучастно пробубнил:

– Да так как-то... Пока ничего особенного.

– Сейчас прокуратура приедет.

– Слышал...

На самом деле, нечто особенное в трупe было, но пока это ещё только вызывало у самого криминалиста профессиональное недоумение из категории «Как так? Что за чёрт?!» Он не мог дать этому объяснения, поэтому и не спешил признаваться в этом. Склонился к трупу снова.

Тот лежал возле письменного стола, упав со стула так, словно бы рванул в погоне за пролетевшей через его голову пулей. Сорвался со стула, да не догнал. Умер по пути. Вернее, замер в осознании бессмысленности погони. Даже лицо оставил разочарованное. Правый висок был вздут вокруг кроваво-чёрной дыры, окаймлённой так называемой штанц-маркой – круглым следом жерла ствола на присосавшейся к нему во время выстрела коже. Пистолет, лежавший рядом, хранил в видимой части дула следы крови, что тоже указывало на выстрел в упор. Другое дело сам покойный ствол к голове приставлял или не сам? Откуда у него пистолет? Зачем? Необходимы отпечатки пальцев... Хотя, по опыту, уже становилось ясно, что кроме отпечатков покойного, других там нет... Скорей всего, нет!

На то, что это самоубийство, указывала аккуратность, с которой оно было совершено... Быстро найденная в предполагаемом месте гильза; предсмертная записка, скорее даже, письмо, написанное твёрдой рукой; кроме того, парадный вид или, говоря уместным при оружии военным языком, форма одежды, приличествующая случаю: белый верх (рубашка) – чёрный низ (брюки, выглядевшие отутюженными даже на неестественно лежащем теле) – человек, очевидно, готовился умереть красиво. Причем свежесть рубашки не портила обильно разбрызганная и запёкшаяся кровь, вероятно, очень живописно смотревшаяся на белоснежном фоне,

будучи ещё алой. Покойный уже зарос щетиной, но интуиция подсказывала, что стрелялся он побритым... Ну не мог человек, выпивавший предсмертную рюмку породистого марочного коньяка, что называется, «на дорожку», отправляться в эту самую «дорожку» небритым! Он и лежал-то не в домашних тапках, что было бы естественно дома, а в безупречно начищенных новых штиблетах, словно бы пытался напоследок помочь своей будущей похоронной команде с обряжением трупа. Самоубийца был явно эстетствующим типом...

Но не это было главным в недоумении криминалиста – на вырванном из выходного отверстия и разбрызганном по стене содержимом головы покойника тот не обнаруживал следов мозгового вещества. И так и сяк всматривался через лупу, на корточках и на коленках ползал, стараясь не запачкать новые джинсы, – не было ожидаемой по привычке засохшей каши-размазни из серого вещества с кровью. Вернее, кровь была, был и ликвор засохший, были и лимфа, и даже сукровица, и всякая другая вспомогательная биодрянь... Главного человеческого элемента не было – мозга!

– Но так не бывает! – поднимаясь, тихо, в голос, объявил сам себе эксперт-криминалист из дежурной следственно-оперативной группы горотдела МВД.

Он и знать не мог, что до него точно так же – слово в слово, но с гораздо более сильной интонацией! – выразил недоумение прибывший по вызову жильцов участковый Антон Малой. Он перед звонком в отдел сам дотошно обследовал место, труп и следы, тоже не нашёл того, что должно было быть, и так поразился этому факту ещё до эксперта, что испугался себя, поднимаясь от покойника и увидев своё лицо в отражении зеркала, висевшего на распахнутой дверце шкафа, стоявшего у окна. Его глаза были не просто недоумёнными – они были безумными!..

Взгляд в детство и юность – Антон

Антон Малого дразнили всегда незатейливо. В «розовом» возрасте – песенкой из мультлика «Антошка, Антошка, пойдём копать картошку...». Когда дети подросли, и над мальчишескими губами нежный пушок начал калиброваться в будущую щетину, его уже дразнили, по-взрослому неприлично рифмуя его имя. А фамилию Малой переименовывали в Малый ещё даже воспитательницы детского сада, не говоря уже о школьных товарищах и учителях. При этом оба варианта произношения вполне точно соответствовали его внешности. Антон выглядел так жалко, как будто папа с мамой схалтурили, когда его делали. Недоношенный, словно бы недоделанный он был какой-то – действительно маленький, хиленький, болезненный. Когда такой по улице идет – встречных сторонится. Когда разговаривает – в глаза собеседника не смотрит. Ладони у такого всегда влажные от нервного пота. Таких всегда злобно дразнят. Над такими всегда с удовольствием издеваются. Унижая таких, все, кому не лень, повышают собственную самооценку, благо это несложно и неопасно. Такие переполнены собственной неполноценностью, что называется, «под пробку». Затравленные они. Смирившиеся со своей убогой участью. Получить щелбан или пинок для таких – это как «привет» услышать. В порядке вещей.

Но такие и злость копят. Не все, конечно, но многие. Консервируют злобу в душе, и на показ выставляют лишь малую толику своего истинного духа, отчего тот и представляется ущербным. Такие словно своего часа ждут. Иногда... А может – часто... дожидаются. Главное для таких – это терпеть и ждать, терпеть и ждать. Ну и – уже главнее главного – не ошибиться, не пропустить, не дай бог, момент, когда этот час придет.

Антон Малой не просто терпел – он духом закалялся. И не сказать, чтобы искал в себе некие особые отличительные от других признаки превосходства, но как-то так со временем показательно вышло, что «гранит разных наук» оказался для него намного мягче, податливее и вкуснее, чем для других его сверстников. Не в «корень» и не в мышцы с костями он пошел, а в голову. Кстати, его имя и рифмовали-то особенно злобно, когда он своим здоровым и силь-

ным, но туповатым одноклассникам списывать не давал. Его не только рифмовали – его и били иногда. Но не жестоко, а пренебрежительно. Чаще всего даже не били, а брезгливо унижали всё теми же пинками и щелбанами, отчего злость Антона, не зная выхода, кипела в груди, как в консервной банке. Он справедливо считал, что эдак-то хуже, чем если бы его нормально, по-пацански отбучкали. Не так стыдно и обидно было бы. Особенно, если бы трое... или пятеро... или – еще лучше – семеро на одного. Был бы в такой арифметике хоть какой-то героизм. Пусть даже трагический.

Антон с детства интуитивно чувствовал, что нет ничего выше трагического героизма. Когда подрос и начал читать хорошие книги – а он их всерьёз полюбил – то он уже не просто чувствовал, он уже начал умом понимать, что трагический герой – это супергерой. Он по-настоящему выше всех остальных. Он духом сильнее. А это превосходство покруче физического будет. Антон, читая, даже представлял себя на месте трагических героев. А Гамлет – так это, вообще, в его фантазиях был он сам. Глубокий философ королевской крови, напрямую общающийся с загробным миром и выворачивающий наизнанку всю мерзость живой реальности. Вот это да! Он хотел быть как Гамлет. Но с одной существенной оговоркой... Без трагического для него финала! Трагедия в его представлении должна стать просто драмой без смертельной для главного героя развязки. Антон книги читал, но реальный мир от книжного умел отделить. Кроме того, он хотел, конечно, вывернуть наизнанку всю блевотную мерзость жизни и обязательно показать ее самим мерзавцам... Но еще большие он хотел живьем увидеть их реакцию – их жалкие слезы раскаяния и вонючие сопля унижения. А если этого не увидеть, какой тогда смысл в выворачивании? Нравственно-воспитательный? Нет! Этого мало... Главный смысл – в его личном удовлетворении. Он сам должен убедиться в том, что мерзавцы поняли и приняли его превосходство над ними. Бог с ней, с загробной жизнью. Вдруг это только выдумка, перешедшая в традицию. Абстракция не годилась. Реальность, реальность и еще раз реальность!

Во дворе Антон, можно сказать, не страдал. Он там попросту перестал гулять и играть с другими детьми, когда те тоже стали вводить в действие жестокую детскую программу по третированию слабого – его, то есть. Через двор он только вынужден был ходить. Поначалу – даже прощмыгивать по-партизански, короткими перебежками. Шмыг – из подъезда. Или шмыг – в подъезд. Со временем соседские дети, которые должны бы были быть его друзьями детства, перестали замечать его шмыганье и, как ему казалось, его самого. Чему в душе он был скорее рад, чем огорчен. Но пару раз в своей юной жизни он все-таки нарывался на грубость превосходящей силы ровесников. Прямо возле подъезда. Суть претензий хулиганов была проста:

– Чё ты такой?!

И вторично с детализацией:

– Чё ты не такой, как все?!

Робкие озлобленно-блеющие вопросы Малого, мол, какой это не такой, никто не слушал и ничего не уточнял. Ответ как таковой тоже был не нужен. Претензия агрессоров служила лишь поводом для последующего пинка под зад. Следом в Антона летели многочисленные уже тычки и затрецины. Вслед убегающему звучали и свист, и гиканье. Его травили, как зверя. Завершалась расправа хохотом и плевками в сторону скрывшейся за дверью жертвы чужого самоутверждения.

Обидней всего было то, что в травле активное участие принимали девчонки. Они же показательно громче всех и хохотали над Антошкой. Взрослея, когда девочки уже начали проявлять признаки противоположного пола и перестали интересоваться бесполоыми детскими развлечениями, он с ужасом начал понимать, что одна из них ему по-взрослому нравится. И, конечно же, та – самая красивая, задорная и веселая, которая в детстве громче всех над ним смеялась и смачнее всех плевала в закрывающуюся за ним дверь. Довольно быстро превращаясь из

ребенка в девушку, она вообще забыла о нем. Будто и нет его вовсе. Словно он мираж, пустое место. Это было уже не обидно. Это уже рождало гнев созревающего мужского самолюбия. Но этот гнев Антон жестко подчинил своей крепнувшей в постоянном унижении воле.

Его воля не давала гневу себя вольно проявить. Малой терпел и ждал. Учился думать и думал об учёбе. Получал «пятерки» по всем предметам и «косил» от физкультуры. Впрочем, почему «косил»? Его врачебное освобождение от физических нагрузок было вполне оправданным. Физруки и сами опасались его слабого здоровья – вдруг не выдержит, и «кондрашка» парня хватит. Какая там гимнастика?! Какой там футбол-волейбол-баскетбол?! Даже пинг-понг опасен! Ну его к черту! Пусть гуляет на воздухе от греха подальше.

Он и гулял. Гулял и мысленно искал признаки своей исключительности... Ну, хоть какого-то превосходного отличия от остальных. Легко находил, ведь он – отличник! Причем отличник он не потому, что сидит над учебниками не разгибаясь. Ему легко даётся учёба даже там, где надо просто зубрить – в гуманитарных дисциплинах. Стало быть, у него прекрасная память. Значит, природа наградила его незаурядными способностями, которые и отличают Человека от Животного. Ведь что такое есть физическая сила? Рудимент в своей животной сущности! Ведь сила ума всегда способна подчинить себе тупую силу тела. Мозг управляет скелетом и мясом, а не наоборот. Так всегда было и так всегда будет. Эрудиция, интеллект, способность к анализу – вот слагаемые его превосходства над мерзавцами-ровесниками.

И если раньше Антону было до слез обидно, что на равных ему никогда не войти в компанию одноклассников и друзей по двору, то со временем он с удовольствием начал понимать, что его совершенно не волнует их круг интересов. Когда они начинали курить украденные у родителей сигареты и, злобно шутя, приглашали его за гаражи – он просто боялся. Когда они стали смешивать никотин с пивным алкоголем – ему уже было просто неинтересно. А когда они в своих развлечениях начали использовать марихуану – ему стало противно. Он искренне поражался тому, что они находили удовольствие от своих затуманенных, не способных к нормальной работе мозгов. Если они – мозги – вообще были у кого-то кроме него. В чем он, взрослея, все больше и больше сомневался.

Вот только отношения с девочками... Эти глупые курицы, чье половое созревание намного опережало умственное развитие, с удовольствием «тусовались» в компании сверстников-пацанов, глотали пиво, как будто оно им нравилось, курили, давали себя потискать и, вообще, подсознательно всячески демонстрировали всем и, в первую очередь, самим себе свою взрослость и наступившую способность к деторождению. Не отдавая себе сознательного отчета, они начали интересоваться сильными и смелыми парнями. А если пацан не боится ни родителей, ни преподавателей, ни ментов, если он крутой – ездит без спроса на папиной машине и знает не понаслышке об отношениях полов, то – это «реальный пацан». Только с таким можно и нужно «замутить». Хлипкий отличник Малой – это неинтересно. Не круто! И плохо в нем не то, что он отличник. Это-то как раз нормально. Плохо, что он – хлипкий. Все над ним издеваются. Такого только пожалеть можно. Но чтобы встречаться с кем-то жалким?! Ни за что! Ни-ког-да!

Антон это понимал. И с каждым проявлением чьего-то искреннего или мнимого участия к его незавидной участи изгой он скрипел зубами от злости. Глаза его становились змеиными – немигающими. Он мучительно терпел утешения в словах и тональности, сверлил холодным взглядом такого или, вернее, такую – как правило, пожилую, живущую по соседству – выразительницу жалости. Он ненавидел не себя за свою физическую слабость, он ненавидел тех, кто о ней ему напоминал. Он начинал тихо ненавидеть всех. В том числе и ту – самую красивую, задорную и веселую – девочку... вернее, уже девушку, которая, ладно бы если просто его не замечала, но вдруг, не дай бог, еще и молча жалела. Когда Антону представлялось ее жалостливое по отношению к нему красивое лицо, то он буквально стонал в

голос, гневно, до зубной боли сжав челюсти. Антон проанализировал свои чувства и, исходя из прочитанных живописных книжных описаний, понял, что влюбился. Настала пора. Это нормально. Вот только что с этим новыми ощущениями делать – было непонятно. Мало того одолевало смятение чувств. Они своей новизной ввергали в хаос его мысли. То ли радоваться, что он полноценный мужчина?.. То ли огорчаться от явной безответности его симпатий?.. Книжки – книжками, но в реальности все оказалось сложнее. Сложнее не по умственному восприятию действительности, а по чувственным переживаниям. Анализировать свои чувства Антон мог. Управлять ими – шии! Не получалось. И это его тоже злило.

Глава 2

На входе послышались голоса – прибыла специализированная бригада из прокуратуры. Малой, глядя в зеркало, снова, как недавно перед опросом соседей, убедился, что безумная маска вселенского открытия надёжно спрятана в будничном выражении лица, непринуждённо отставил одну ногу, и они вместе с криминалистом встретили прибывшего с прокурорской бригадой судмедэксперта в позах привычной обыденности:

– Привет.

– Здорово. Самострел, говоришь? Ну-ка, ну-ка...

И тот тоже привычно начал священнодействовать по специальности. Малой, переполняемый любопытством (не к диковинному трупу даже, а к реакции на него ещё одного нового исследователя), тем не менее, дал тому время вникнуть в ситуацию, обговорить её с недоумённым уже криминалистом и вышел на минутку из комнаты. Проструился сквозь следственную суету к туалету. Вроде, по нужде. Закрылся и сел на крышку унитаза.

Не имея каких бы то ни было объяснений, интуитивно Антон чувствовал, что происходит – уже произошло! – нечто невообразимо важное. И нужное! Словно бы он, будучи маниакально одержимым учёным, долго носил в себе что-то неизведанное и переполнился-таки открытием, и должен теперь дать ему нужную формулировку и сделать далеко идущие выводы, которые раньше боязливо предполагались только самыми короткими вспышками неконтролируемых мыслишек, обжигавших, будто искры, пугавших ожогами сознание и заставлявших искателя, наяву зажмурившись, отмахиваться от них руками, как от бесовской гордыни... Эти мыслишки накапливались и массово превращались в мысль, ещё не осознаваемую, как будто прячущуюся где-то в отдалённых извилинах и иногда уловимую в моменты своих «коротких перебежек» по воспоминаниям и ощущениям.

И вот, наконец, появился повод для настоящей вспышки, которая ослепила сознание своей яркостью, наплывавшей с каждой секундой всё больше и больше в голову, пока только на животном уровне чувства. Пока – одна эмоция «Вот это да!», причем совершенно безоценочного свойства. Хорошо или плохо – неясно. Да и неважной казалась оценка в отличие от озарения как такового. Оно уже открылось во всей своей безудержной мощи, и только невероятный масштаб его не вмещался пока в понимание, разбалованное до сих пор привычкой осознавать что-то устойчиво мелкое и предсказуемо этапное.

Кровь стучала в висках. Руки тряслись. Поднялся – ноги дрожали в коленках. Потёр руками глаза и лицо. Спустил воду. Вышел. Сразу же столкнулся с весёлым бодрячком опером, предполагавшим благополучное завершение дежурства:

– Что с тобой? У тебя на морде лица нет...

– Д-да, ш-што-то поплохело... Тра-ванулся, похоже...

– Наверное, съел что-нибудь... – подмигнув, дежурно пошутил дежурный опер. – Мы уже сваливаем...

– Угу-м.

И пошёл в комнату открытия. Там в точно такой же позе, как сначала Антон, а потом дежурный криминалист, стоял над трупом судмедэксперт, разве что только отставленная нога притопывала по полу небыстрый ритм. Он даже не повернулся на вошедшего, а не глядя спросил:

– А до нас здесь никто ничего?..

Судмедэксперт даже не договорил, Антон понял по его искусственно обычному тону, что тот боится много говорить – обнаруживать своё недоумение не хочет. Малому это понравилось – третий уже! – стало быть, действительно есть, чему удивляться.

– Да нет... Здесь и не было никого... Мы, как приехали, осмотрели и всё... Вас вызвали... Труп ведь...

– Н-да-а... Труп... Самоубийца, по всем признакам, – медик говорил явно не то, о чём думал.

Участковый видя, что его присутствие уже вовсе необязательно, что он смущает и даже мешает умникам осмысливать их профессиональную неясность, вышел за дверь. Но так, чтобы не только слышать, но и видеть, по возможности, происходящее.

Судмедэксперт повернулся в сторону криминалиста – как раз лицом к Антону. По его скользкому взгляду, по сползшим на переносицу криво сидящим очкам Малой ещё раз удостоверился в справедливости своих переживаний. Медик поправил очки и как будто стяхнул оцепенение, вслух продолжив молчаливый до этого, но понятный обоим разговор:

– А вы знаете, я не удивлён!

И даже кивнул головой, подбадривая сам себя, и улыбнулся.

– Чему? – криминалист театральничал, но врать не умел, или недоумение не позволяло.

– Бросьте! Ведь вы осматривали труп... И не могли не обнаружить...

– Что?

Антон мысленно подбадривал медика: мол, давай, не мямли, скажи это вслух!

– Что, что... Неясности, скажем так...

Судмедэксперт снова отвернулся к покойнику. И задумчиво добавил:

– Необъяснимости...

И мгновенно повернулся обратно и резко наклонил голову к сидящему эксперту:

– Вы потому и уйти хотите побыстрее, молодой человек, что не знаете, как это объяснить.

Так ведь?!

Его горячечный тон выдал в нём человека бывалого в своём теперешнем беспокойстве. Опытного... Но только в переживании, а отнюдь не в объяснении – потому и горячился! Однако и такой неполноценный, вроде, опыт обеспечил уже какую-никакую привычку к необъяснимости, и судмедэксперт, высказав новичку издевательскую претензию, мол, «нечего тут дурака включать», сразу же остыл и заметил спокойным теперь тоном:

– Я уже сталкивался с таким... И не раз...

И пауза... Сугубо психологического свойства – чтобы тот, кому она адресована, дозрел в своём нетерпении и сам начал спрашивать. Но спрашивал ли тот – было не видно. А вот Антон спрашивал! Но только в мыслях, умолявших: не тяни, дескать, продолжай.

– Малой! – немую сцену перебил зов из прихожей старшего в дежурной следственно-оперативной группе. – Мы закончили... Если хочешь, подвезём. Спускайся к машине.

Напоследок Антон увидел, как судмедэксперт невольно скорчил издёвку на лице, адресованную криминалисту – теперь в улыбочке, даже поклончик обозначил с пристуком каблукми и жестом, указующим на дверь. И сразу же развёл руки в показном сожалении, мол, что поделаешь – служба есть служба. Он явно пожалел, что невольно выдал себя в своём знании, и теперь был рад прекращённому объяснению. Даже отвернулся демонстративно и опять склонился к трупу. Рандеву на мистическом поприще не состоялось. Шабаш! Честь имею...

Глава 3

Случаются дни богатые на события, а случаются наоборот. Причём оценка дней даётся человеком не в абсолютном, количественном, значении происходящих событий, как это бывает в полицейских сводках происшествий за сутки, а в сугубо относительном – в виде затраченных эмоций. Закончившийся утром вчерашний рабочий день выдался для Малого богатым, как никогда. И в абсолютном плане – участок как с цепи сорвался в плане житейско-конфликтных ситуаций, и в относительном – эмоции, связанные с самоубийством затмили всю суетливую дрянь так, словно её и не было вовсе. Антон даже забыл на время, что сутки уже на ногах...

После суточного бдения всякий нормальный человек думает о сне. И даже обманутый наступившим утром организм привычно бодрствует только до поры – пока не «сообразит», что новый день начат-то без привычного ночного перерыва-забытья, и, по сути, продолжается ещё вчерашний день, только опять сменивший темноту на свет. Организм, будучи не в силах разобраться со сбоем в смене света на тьму и наоборот, начинает-таки требовать своего – привычного чередования сна с явью. Человек должен поспать! Пусть даже с утра...

Но это – нормальный человек. Антон же по собственным ощущениям перестал быть таким. Он, вернувшись домой, механически, как робот, умылся, позавтракал (или поужинал, по мнению своего организма? – неважно!), разделся и лёг, однако возбуждение не то что заснуть – даже глаза закрыть не давало. Он словно бы слышал жужжание мыслей в своей голове. Но их было так много, и все они были такие быстрые – как простые нервные импульсы, что уловить хотя бы одну из них, осознать её и развить до чего-то понятного сознанию не удавалось. В конце концов Антон под ощутимый пульс в висках стал думать именно об этой невозможности. Потом – о неорганизованности своего мышления, о неспособности им управлять. Затем – о способах избавления от этого дефекта. А какие способы есть? Н-ну-у... Например, шахматы... Давненько не играл с достойным соперником... А где он, этот достойный соперник? Э-эх, ладно шахматы... Сейчас бы пулю расписать!.. Неспешно... В прошлый раз этот несёт и несёт бубей!.. В итоге без двух остался... Музыка ещё какая-то дурацкая играла... Хоть и тихо, но всё равно раздражала. А что тогда играло? Этот... Как его... Ну-у... Уснул. Организм, не перегруженный пока негативным жизненным опытом, моменты и мизансцены которого ещё не наслаивались друг на друга в воспоминаниях, доводящих нервы до необходимости в снотворном, взял своё.

Проснулся бодренько. Снов не помнил... Может и не было их... А если и были, то не запомнились. Напрягать же мозги в восстановлении картинок из сна не было времени – Малой был приглашён в ресторан на банкет по торжественному случаю.

Антон очень чётко улавливал в себе двойственное чувство по этому поводу. Первая грань была безусловно оптимистичной – поход в кабак, праздник, веселье. В ощущениях была даже не важна суть праздника – представлялась простая картинка: красиво выставленная выпивка-закуска, нарядные люди, в числе которых обязательно свободные женщины. Раскрепощённое знакомство, танцы... Впрочем, танцы как таковые Антон не любил и находил в самом процессе танцев по пьяни много комичного... Но! Никуда не деться – ритуал. Ничего лучше, чем потоптаться с понравившейся дамой под звуки дежурной «Ах, какой женщины!», для уплотнения знакомства ещё не придумано. Придётся, конечно, и протрястись с набитым животом в общей круговой компании под какую-нибудь крикливую «А вокруг тишину, взятую за основу...» Вспомнив и предсказав обязательность этой, украшенной философской значительностью, строчки из поп-песенки, Антон даже улыбнулся в предвкушении приятного вечера... Кстати! Антон в этом ресторане ни разу не бывал. Может там и не будет этого обычного оркестрового разгулья. Может там струнный квартет? Моцарт, типа?.. Форма одежды-то объявлена парадная! Не-ет, струнный Моцарт – это тоже чересчур, только в другую сторону –

как, кроме танца, тогда оправданно пообниматься? Процесс «продувания ушей» понравившейся красавице нуждается в приличном поводе для тесной близости... Ну-у, пока не близости, конечно, – приближения... Шёпот, дыхание, запахи... Ах, хорошо, чёрт! Есть прелесть в физиологии – ничего не поделаешь. Антон улыбнулся себе в зеркало, аккуратно повязывая галстук и с удовольствием отмечая его вкусную сочетаемость с белой рубашкой и намеченным к параду костюмом. Неплохой кавалер получался!

Однако тут же живо ощутил вторую, злобную теперь, половину закрывшейся в душу двойственности. Не желая себе признаваться в этом, он, тем не менее, не мог, кроме как завистью, по-другому назвать своё чувство.

Кирилл – Кира, а в студенческой юности ещё и Кирюня, и даже Кирыша! – дорос до защиты кандидатской диссертации. Он теперь учёный. Малой мысленно, добавил: «Блин!» Учёный, в смысле новой категории, принадлежности к социальному слою, конечно, а не в первоначальном значении слова – этого Антон даже представить не мог...

Но он сразу жёстко отогнал от головы этот мрак, начинавший заслонять своей чернотой предвосхитительную радость грядущего веселья с возможным романтическим продолжением... А что? Очень может быть – молодость есть молодость!.. Давно с Кирой в компаниях не виделись... Круг знакомых естественным образом обновляется у обоих. Наверняка, будут на банкете какие-то новые для Антона лица женского пола... И свободного образа жизни – это неплохо бы!.. Хотя и некоторые старые женские лица вполне бы... Ха-ха! Вот так вот, бабоньки, вы благодаря игре понятий русского языка невольно стали уже «старыми» лицами! Уж не сердитесь – речи о ваших отставках «по выслуге лет» пока ещё нет... Во как! Даже в рифму: по выслуге лет – пока ещё нет... Ввернуть где-нибудь в беседе при случае, что ли? Нет! Не надо – женщины очень болезненно реагируют на возраст, даже когда ещё и возраста-то никакого нет. Это у них так принято. Культивируемый комплекс какой-то... Дуры! Не все, конечно. Есть очень даже замечательные образцы «старшего поколения»... Татьяна, например. Под полтинник бабе, а она... как там Хлестаков говаривал про жену городничего: «Очень аппетитна, очень недурна», так кажется... Хотя, у этой Татьяны обратная сторона комплекса – она свой не девичий уже возраст, как знамя, несёт. Она им козыряет, смотрите, дескать, ссыкухи, и учитесь. Определённо, есть у баб возрастной комплекс. Н-да... Мужикам в этом смысле проще.

Антон с удовольствием уловил себя на том, что о виновнике торжества не думает вовсе. Виновник – Кирилл – присутствовал в мыслях как-то отдалённо. Как повод. Фон. Подарок бы не забыть! И стихотворное поздравление – незаурядное, остроумное – чего там скромничать! Он ещё раз пробежал глазами по бумажке, убедился в себе как в неглупом человеке, должном быть интересным для других, и позвонил в такси.

Кира, как и положено, сам выходил из-за стола встречать любого входящего – зал был полностью арендован на вечеринку, несмотря на то, что в официальном приглашении (а было и такое – типографское в конверте) упоминалась компания «строго своих – особо приближённых и сближенных». Впрочем, там же было с юмором написано, что «тесноту компанейского общения» организаторы... пардон, а лучше, сорри... модераторы или аниматоры не обещают, но «предполагают возможность дальнейшей парной тесноты по желанию... Обоюдному!». Игривость как бы значилась в программе изначально, хотя повод для «тусовки» был очень даже серьёзный – первая учёная степень... Не хиханьки, вроде как, по стилю нужны, а нечто построже – с фанфарами и аплодисментами, «переходящими в овацию после слов докладчика». А тут?! Полная несерьёзность, которая, кстати, сразу начала сверлить Антонову душу куда как противнее, чем сам факт чужой защиты. Мало того! Именно неуместная шутовливость словно бы была фундаментом для нехороших чувств и предчувствий Антона. Антон заставлял себя не думать об этом... По крайней мере, не заикливаться. Он давно уже терпеть себя не мог в зависти к кому-то. Он считал, что кто-то должен бы уже завидовать ему самому.

А то что не в чем – это величайшая несправедливость мироустройства! Впрочем, это пока не в чем...

Как положено, с опозданием расселись и, не обращая внимания на пустующие места – очевидно все ключевые участники уже собрались, – стали привыкать к обстановке и дисциплинирующему поначалу своему торжественному виду.

Первый тост провозгласил научный руководитель Кирилл. Надо отдать должное ему, он говорил недолго и нескучно, всего лишь раз упомянув сложное название диссертации, прозвучавшее для большинства собравшихся, как гладкий набор заумных звуков. Причём сам профессор для точности произнесения глянул в припасённую бумажку, чем заставил некоторых гостей перегляднуться. Антон даже улыбнулся, слегка наклонив голову и пряча лицо. Ему нравилось-таки убеждаться в оправданности своих отгоняемых чувств, но демонстрировать их воспитание не позволяло. Подняв взгляд на профессора, он, понимая опять же своё предубеждение, тем не менее, отметил для себя, что тот больше похож не на учёного, а на коробейника.

Чокнулись. Выпили. Легко закусили тем холодным, что успели накидать в свои тарелки. Первый звон рюмок и последующее бряканье вилок, шип и бульканье разливаемых по бокалам минералки и соков стали понемногу расслаблять. Прозвучал второй тост. Начали уже вставать мужчины, чтобы попередавать блюда и поорудовать ложками, нагружая салатиками свои и ближайших дам тарелки. Стали организовываться для общения кружки близко сидящих. Оркестр... Нет – всё-таки ансамбль тихо брэнчал какую-то эстрадную легкость. В общем, обычное банкетное начало, когда понемногу начинает забываться повод для торжества, и банкет становится самодостаточным – без обязательного повода.

Приличия ещё соблюдались, и на первый перекур мужчины отправились в курилку к туалету. Кира остался, и это дало возможность высказываться о нём в третьем лице. Для начала – восхищённо. Некий его родственник – то ли дядя, то ли муж тёти – смачно выпустив в потолок вонючий дым и состроив на лице философскую мину, глубокомысленно произнёс:

– Молодец, всё-таки, Кирилл... Я не специалист в его области, но люди говорят, что эта его диссертация и на докторскую потянула бы. Молодец!

И обычный в таких случаях отвод глаз в безлюдное пространство для театрализованной демонстрации необязательности чужого согласия с этими словами. А если кто-то не согласен, то это, вообще, его личное дело – опять же необязательное для всех. Так всегда беседы между незнакомыми людьми и завязываются. Нащупываются позиции. Находятся точки пересечения.

Антон, справедливо считая себя специалистом, решил развеять туман безличности и, как ему показалось, нейтральным тоном спросил:

– Кто говорит?

– Люди... Я незнаком пока... Рядом со мной сидят, – дядя-муж тёти удивлённо глянул на Антона. – А вы не согласны? Так странно спрашиваете...

При этом он сам вопрошал Малого таким тоном, словно бы недоумевал, дескать, если ты не согласен, то чего тогда сюда припёрся!

– Вон моё место. Видите? – он показал рукой с дымящейся сигаретой. – А рядом и напротив люди сидят. Знаете их?

– Я знаю, – сказал ещё один, подошедший к двери. – Они сугубые практики. А Кира теперь теоретик...

И отходя, якобы к пепельнице, с улыбкой подмигнул Антону.

– Ну и что?! – родственник возмутился этому простецкому «Кире» так, будто бы выявлял и допрашивал замаскированных диверсантов. – Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что сказал... Видите ли, м-м-м... Как вас?..

Дядя назвался.

– Извините. Спасибо. Видите ли... Практик, оперирующий в работе устойчивыми категориями и понятиями, применяющий устоявшиеся принципы и методы, часто не может пони-

мать – принимать либо отвергать – предлагаемых в юриспруденции теоретических изысканий и новшеств...

– Проще говоря, вы их дураками называете... Так, что ли?! Я тоже дурак по-вашему?!

Родственник начал откровенно гневаться, точно выпил не ещё только пару рюмок, а уже с пяток... даже с десятков – ему бы ещё галстук расслабить и сдвинуть, рубашку из брюк вытягивать до мешкообразного вида, руки в карманы и сигарету в угол рта – обычно так и бывает. Но позже! Этот же в своём искреннем возмущении шёл с опережением графика.

– Н-ну-у... – со спокойствием знающего Главную Тайну человека ответил провокатор, бросил в жерло пепельницы непотушенную сигарету и снова с улыбкой незаметно подмигнул Антону, который выражением лица был всецело на его стороне. – Зачем же вы так? Не надо людей обижать подозрениями.

И даже не взглянув на оппонента, вышел из курилки в зал.

– Нет, вы видели?! – теперь родственник апеллировал к Антону. – Кто это такой? Наглец – самым умным себя считает...

Но Малой тоже не хотел продолжать, пожал плечами и оставил дяде одну возможность – поискать согласных слушателей среди людей, собравшихся в другом углу курилки своей компанией. Антон, правда, окурок не просто бросил в пепельницу перед выходом – он его сначала затушил, с кайфом вминая в глянцевую жестянку, словно бы растирая по ней одобряемую дураками несправедливость.

Глава 4

Неспешно двигаясь к столу, Малой оценивающе разглядывал дам, надеясь в душе уловить во взгляде понравившейся одинокой красавицы ответный интерес. Не уловил. «Ничего, – решил он про себя. – Праздник только начинается!»

Но переводя взгляд с одной на другую, он случайно встретился-таки глазами с той, взгляда которой он не то что не хотел, а даже боялся – с женой Кирилла Дианой.

Когда он её вспоминал, то ненавидел свою незаурядную память. Диану-то как раз он с удовольствием бы забыл, как будто и не было её вовсе. У Антона даже иногда получалось по собственному приказу уже не думать о ней, он научился отвлекаться. То ли время лечило, то ли воля его работала – он не анализировал, откладывал на потом. И вот она... Впрочем, было бы удивительно, если бы её не было на торжестве собственного мужа. Малому даже пришлось признаться самому себе, что он хоть и понимал неизбежность такой встречи, надеялся, что они останутся на дистанции, и Диана не сможет снова по-женски понять его неизбывную до сих пор боль. Антон не хотел выглядеть слабым. Он боялся, что отведёт взгляд первым.

И вот на тебе!.. Глаза-в-глаза! Тет-а-тет, практически... Хоть и при скоплении народа, ставшего в одно мгновение даже не массовой, а неодошевлённой массой – неким шевелящимся и говорящим сгустком материи, которая даже и живой-то перестала быть в сознании Антона. Он остановил шаг. Остановил взгляд. И через миг понял, что не отведёт его первым – выпивка в помощь! – и не моргнёт. Мало того, он и улыбнулся непринуждённо, склонив голову в приветствии, а в конце ритуала ещё и подмигнул, словно бы перенял инициативу от провокатора в курилке. Только потом двинулся дальше, как будто шутливо отработав почти-тотальное «Бонжур, мадам!» и безразлично после этого и оправданно отведя взгляд по направлению движения. «Браво!» – поздравил он сам себя, посчитав акт сыгранным. Полегчало, и он с удовольствием увидел рядом со своим местом сидящую и смеющуюся незнакомку – по всем признакам без спутника. Впрочем, может и сначала он её увидел, а уж потом ему полегчало... Не важно. Проехали. Забыли.

– Вы позволите, сударыня?

Закалённый давешней репетицией взгляд прямо в глаза незнакомки. Пронзил – с её лица даже улыбка сошла. Дама села ровно, подобралась:

– Да, конечно.

– Будем знакомы? Меня зовут Антон...

Но не успел он усесться, соорудить маняще-плотоядное лицо и повернуть его к соседке, как с весёлым шумом и бутылкой коньяка на свободные места напротив загрузились Кирилл и его жена Диана.

– Ребя-ата! Как я рад, что вы пришли, – в Кире искренне радостно гулял хмель, по всем признакам начавший поступать внутрь ещё до банкета. – Антоша, ты почему не ухаживаешь за... Простите, как вас?

Одним предложением именинник сумел оконфузить обоих: Антона – «Антошей», его соседку – неузнаванием. Не думая о переживаниях соседки – плевать на неё! – Малой остро почувствовал, что это возникшее и неуловимое в секунду неудобство сразу превращается в его груди в хорошо осознанную злость. Кира всегда был хамоват... Да что там – жлоб он! Хороший костюм, дорогие часы, косметологом отшлифованная морда, маникюр... Жена-красавица, перспектива в жизни... Да! Все задатки аристократа... Но – внешние задатки! А настоящий аристократизм – это не снаружи... Это внутри!

– Это Светка! Ты чё?!

Начала было Диана по-простецки выравнивать ситуацию – ерунда, дескать, не обращайтесь – таким же тоном, как у мужа, только теперь играя нуждающийся в безусловном прощении хмель.

– Светка. Подруга моя... Не обижайся. Он ещё вчера праздновать начал... Это теперь на неделю...

– Ты чё, старуха?! У тебя муж – кандидат наук... Это две недели минимум!

И уверенная в своей правоте ухмылка жене, которая не скрывает своего довольства этой жизненной уверенностью мужа. Затем привычный для обоих и наплевательский для окружающих в своей показательности чмок вытянутыми встречными губками.

Невольные зрители всегда в таких случаях обязаны умильно улыбаться. Антон будто бы увидел себя со стороны с этой идиотской улыбкой и без усилий снял её с лица. Он ненавидел эти семейные демонстрации, ясно чувствуя в себе неловкость свидетеля, пусть и случайно, но подсмотревшего в замочную скважину и подслушавшего за дверью. Однако ненависть просыпалась не к себе в минуту неловкости, а к источнику – и совершенно оправданно! Чего вы лезете к другим со своим образцово-показательным счастьем?.. Это ведь неприлично, потому что другим, нормально воспитанным людям, становится неловко. А вы именно лезете! Даже если в эти секунды демонстрации вы совершенно искренне перестаёте замечать окружающих... Тем более, если перестаёте замечать! Это же вдвойне неприлично... Жлобство, короче! Чему улыбаться-то?! Да ещё после «Антоши»... Сохранять приличия для неприличности? Но это же нонсенс!

– Давайте выпьем! За нас...

Кира собрал ближайšie рюмки, расставил их в ряд и, по-хозяйски вообще не спрашивая Светку, что она пьёт (может вино?), наполнил их коньяком.

– А «за нас» – это как: за вас отдельно или за нас всех?

Антон сумничал не только тоном, но и жестом: в первой половине вопроса он показал на Киру с женой, во второй – прижался плечом к Светлане и коротко глянул ей в глаза. Она улыбнулась в ясной благодарности за достойный ответ хаму.

– Ой! Антон! Давай не будем... А?!

Искренняя радость Кирилла всё-таки нашла пути в сердца его гостей, и все четверо чокались рюмками, искренне улыбаясь, вполне довольные друг другом и нарастающим ходом праздника.

И хотя дальше общение всё больше переставало быть столь «учтивой» беседой и становилось болтовнёй, по-светски непринуждённой и даже весёлой, Антон почти физически ощущал некое злобное любопытство, которое вместо расслабления по мере питья наплывало на него с каждым новым тостом, включая собственный. Оно наполняло своим объёмом всё окружающее пространство. Оно заслоняло всё происходящее. Даже соседка во всей свежести знакомства с нею интересовала его гораздо меньше, чем Кирилл со своей отмечаемой научной работой. Светлана с неловкой подачи Кирилла начала было присматриваться-прислушиваться к Малому, но ощутив своей женской сутью, что тот уже катится вниз с невысокой горки интереса к ней, тоже наполнялась безразличием и смеялась вполне нейтрально, чаще – вежливо, без нерва. Хихикала больше, чем хохотала.

Антон не понимал, что с ним происходит... Почему вдруг его так захватил вполне предсказуемый факт Кирилловой диссертации, что даже молодая, нарядная и надушенная, интересная женщина ему совершенно по фигуре. Он невольно даже вспомнил недобрым словом провокатора из курилки, рассуждая одновременно, что не в провокации, конечно, суть, и пугаясь догадки, что истинным катализатором его теперешнего наваждения стал утренний факт самоубийства.

«Если у человека не было мозга, то как же он мог понять, что надо покончить с жизнью?.. Что жизнь потеряла всякий смысл?.. Ему же понимать нечем было!!!»

И сразу после этого немого крика – уловимый своим сознанием и необъяснимый в своей бессознательности взгляд на довольную жующую и говорящую голову Кирилла.

Слава богу, тот всё-таки ушёл из фокуса танцевать с женой. Иначе эта растущая неясная и неконтролируемая злость довела бы Малого до иступления. А так... Он снова вспомнил о соседке, образ которой перестал улавливать даже боковым зрением.

– Светлана, пойдём и мы потанцуем?

Кавалеру казалось, что он говорит ласково... Ну, хотя бы приветливо!

– Не пойду, – серьёзный ответ.

– А что так? Не умеете? Не хотите? Или, может, не можете?

Антон уже приготовился к тому, что дама сердца оценит игру слов в последней фразе и станет – должна стать! – игривой для флирта, но услышал:

– И умею, и могу, и даже хочу... Но не пойду! Я вас боюсь.

По её обращению на «вы», а ещё больше – её немигающим, совершенно не хмельным глазам Малой понял, что она действительно боится.

Глава 5

Когда вечер без приключений кончился, Антон, станцевав-таки и весело разболтав испуганную даму, отправился её провожать. Он чувствовал, что не хочет с ней никакого продолжения... Удивлялся этому, но не боролся с собой, не заставлял себя её хотеть, и провожать отправился так, на всякий случай – впрок. Ну и из вежливости, конечно, – мужчина же он, в конце концов. До дома оставалось совсем недалеко, она уже показала ему его, проверяя реакцию кавалера на скорое прощание, как перед ними возникли трое парней в темноте и традиционно стрельнули сигарету.

– Я не курю, – как можно суровее ответил Антон, озираясь по компании и окрестностям.

– А тёлка твоя?

– Да пошел ты, бычара!

Светлана оказалась бывалой... Впрочем, может это алкоголь отчаянно сыграл на её нервах. Однако как бы там ни было, этой своей бесстрашной фразой она сначала здорово испугала Антона, малодушно и лихорадочно искавшего бесконфликтного отступления. Но и разбудила тут же в нём засыпавшую силу воли. Соображение тоже проснулось и уверенно известило Антона о том, что без драки не обойтись – за этим их и остановили. А вызвать подмогу из полиции не успеть – хулиганы не дадут. А пока они разберутся, что он сам – мент... Да и если разберутся, то с перепугу могут вообще непоправимо усугубиться. Для него... для них со Светланой непоправимо.

– Ах ты не куришь, падла?! Так и к тёлкам не приставай!

На последнем слоге последнего слова Антону сбоку сильно врубили по морде. Его развернуло, но он устоял на ногах и отработанным уже автоматом перехватил летящую ему в пах ногу. Выкручивая, сильно дернул её вверх. Кто-то невидимый вскрикнул от боли и упал. Светлана заорала и начала размахивать сумочкой.

– Ах ты, сука!

И посыпались удары. Дама сразу же улетела в кусты палисадника. Антон, стиснув зубы, стоял и отбивался. Он намечал себе одного – главного у них – противника, против которого и будет воевать. На остальных – плевать. Долбить надо одного – главного! Сломается он – остальные уже не враги. Антон мгновенно его определил и стал как попало и чем попало наносить ему удары. Антон, не отрываясь, смотрел в его глаза. Антон перестал чувствовать боль. Антон в ярости рычал. Взгляд противника дрогнул. Он стал бояться. Его рот уже открылся для крика. Он уже беспорядочно махал руками. Он нырнул рукой в карман куртки и выхватил нож.

– А-а, гнида! – это уже заорал Антон и мгновенно изготавился рубануть того ногой по роже.

Рубанул. Попал смачно и хрустно. Но перед этим успел почувствовать сначала тупой толчок повыше колена и сразу же резкий как будто укол большой иглой. Брызнул еле видимый в темноте чёрно-красный даже не фонтан, а фейерверк. В «атасе» разбежались парни. Выбравшаяся из кустарника растрёпанная Светлана, увидев кровь, завизжала.

Антон, отдуваясь от горячки драки, с удовольствием отметил для себя, что кровь его не пугает, однако на всякий случай присел прямо на тротуар. Перехватил-пережал свою ляжку, пытаясь остановить стекавшую уже не в лужу, а в свернувшуюся горкой, кровь, и сообразил, что надо вызывать «скорую».

– Хватит причитать, – рявкнул он на суетящуюся в слезах вокруг него даму и тем самым привел её в сознание – она даже вздрогнула. – Звони давай...

Проснулся от суетливого шума. Открыл глаза и увидел над собой улыбающееся милое лицо симпатичной девушки. Огляделся. Рассмотрел на ней больничную униформу и только тогда вспомнил, где он и что с ним.

– Просыпайтесь. Готовьтесь к обходу. Сейчас вас осмотрит доктор.

Дежурная медсестра умела быть ласковой в своей служебной деловитости. Через несколько минут в палату вошёл врач со свитой:

– Ну-с, любезнейший... Здравствуйте. Как наши дела?

– Ваши? Не знаю, доктор...

– О-о, да у нас чувство юмора не пострадало... В смысле, у вас, – врач вполне приветливо улыбнулся. – Значит не так плохи наши дела... То есть, ваши! Ха-ха. Итак, что мы имеем...

– Я, доктор?

– Нет, теперь как раз все мы! Как вы себя чувствуете?

Дальше уже почувствовавший усталость – очевидно от наркоза – Антон отвечал только мимикой и кивками. Ему стало неловко. Он не только вспомнил, но теперь и осознал случившееся. Как всякий нормальный мужчина, он стеснялся быть потерпевшим...

Слово-то какое – потерпевший! Терпила!!! Нет, при всём психологическом отторжении фени нормальными людьми, есть в ней удивительные образцы точности ассоциаций в замене обычных слов на жаргонные. Формулировка порой доведена до предельного ощущения уважения или пренебрежения. Вчитайтесь!

«Терпила» – чистое существительное в своей законченности на базе того же корня, что и «потерпевший» со всеми признаками прилагательного. Род существительного неопределим без конкретного персонажа. Но отличительный признак у «терпилы» в именительном падеже сугубо женский – «а» в конце. То есть получается, что терпилой может оказаться мужчина, только при отсутствии мужественности? Есть чего стесняться... Пугаться даже! Конечно, есть и обратные образцы такого сочетания – само слово «мужчина», например. Но здесь всегда важны контекст и сила привычки. Мужчина ведь тоже мужинкой бывает. Терпиле же такой суффикс без надобности – итак всё ясно: слабак!

Антон вдобавок ещё и из «органов»... Силовых! То есть, рассуждая концептуально, это он со своими полномочиями должен всякого рода негодяев и злодеев мужественности лишать. Это они при встрече с ним должны терпеть! Но где те, вчерашние, сейчас? И где он!

Впрочем, быстро разобравшись в переживаниях самокритичного свойства, Антон понял, что в душе у него нет безусловного чувства проигрыша. Разбежались-то они! Значит вполне допустима мысль, что сидят они сейчас где-то в норе – в норке! – и боятся. Страх свой терпят! И ещё неизвестно, что хуже – быть официальным потерпевшим или тайным терпилой.

– Вижу мысль в глазах, – с наигранным, впрочем, довольно умело наигранным, оптимизмом продолжал, между тем, врач. – Значит мозги работают... Пытаются, по крайней мере! Это хороший признак, любезнейший. Стало быть, сотрясение мозга у вас не такое серьёзное, как показалось вначале...

Он сидел и с напряжённым лицом читал первоначальные диагнозы. Малой молчал с термометром подмышкой.

– Ну, а что вы хотели? – снова заговорил доктор, обращаясь то ли к Антону персонально, то ли ко всем, кто его слышал, но скорее, самого себя убеждая. – Бледный. Глаза закатываются. Весь в крови. Буровит что-то, как в бреду: то ли спасаться просит, то ли на фронт просится. Спутница в истерике. Катастрофа, одним словом! Впечатления и эмоции – соответствующие... Медики – тоже люди... Всего лишь люди...

Разговорчивый доктор закончил читать и бубнить, посмотрел на Малого:

– Ну-ка...

Уверенно и бережно взял руками его голову, осторожно приподнимая веки своими большими пальцами, посмотрел в глаза, потом отпустил.

– Покрутите головой влево-вправо... Повращайте глазами... Голова не кружится? Нет? Точно?!

Удовлетворённо откинулся на спинку стула:

– Ну! Всё нормально с вашим мозгом, молодой человек. Если даже и встряхнулся, то совсем немного. Чуть-чуть. – Доктор даже подмигнул шутливо. – Ну, заплелись извилины чуток... Так это и от тяжких дум бывает... И довольно часто!

– Это если сами извилины есть!

Антон вставил фразу так неожиданно, что врач переспросил:

– Что, простите?

– Я говорю, если мозги как таковые есть.

Доктор мгновенно словно бы не погрузился, а нырнул в раздумье. Он посмотрел на Антона снова очень внимательно, но теперь уже явно не медицинским взглядом:

– Вы правы, молодой человек... Вы даже не представляете, как вы правы... Сотрясение мозга может быть только при наличии самого мозга. А между тем, этот диагноз ставится несправедливо часто... Неоправданно часто!

И он снова взглянул на Антона и опять новым взглядом, ясно выразившим сомнение в отношении самого этого пациента – привычное уже сомнение ко многим таким же, но снова яркое во всяком случае. Однако он тут будто встряхнулся и сбросил задумчивость.

– А что же нога? Показывайте...

Антон откинул одеяло и сам словно бы увидел свою ногу впервые – повязка повыше колена стала сразу же тугой по ощущениям.

– Хотели вам лангету наложить... – оценивающе, как эстет, рассматривая пострадавшую ногу, произнёс врач.

– Что наложить?

– Лангету... Этот гипс, молодой человек, служит для фиксации суставов и называется «лангета», – с улыбкой сказал обаятельный хирург.

– Как в ресторане, – без улыбки пробурчал всё ещё не очухавшийся от наркоза Антон Малой.

– Да, похоже. У нас ведь тоже мясные дела... У вас, правда, и сухожильные малость. Поэтому не ресторан, а больничная травматология. Полежите у нас пару неделек, Антон, срастётся там. Заодно и головка бо-бо перестанет. Голова-то болит? Впрочем... Сейчас-то еще нет, наверное? Наркоз был глубокий. Ну да ладно... Больные ждут... А некоторые, заметьте, ждать не могут и не должны. После договорим. Отдыхайте пока.

Доктор и не пытался скрывать, что его заинтересовал Малой. Он даже подмигнул ему при всех, вставая со стула – не прощаемся, дескать, скоро увидимся.

Глава 6

Наркоз ещё не совсем отпустил, и Антон снова уснул.

Когда опять открыл глаза, то увидел сидящую возле его кровати и тихо плачущую мать.

– Мам, ты чего? – механически задал дежурный в любой семье вопрос.

Теперь она захныкала в голос и стала рукой нежно гладить разбитое лицо сына.

– Как же так, сынок? За что ж они тебя? – тихо голосила обычные в такой ситуации вопросы. – Да как же так? Что ж теперь будет-то?

– Да ничего не будет, мам, перестань...

– Как же не будет? А нога-то... вон... забинтована!

– Так больница же! Вот и бинтуют – работа такая...

Антон играл в веселый оптимизм. Подействовало.

– А я тебе, сынок, тут фруктов, конфет, сока принесла. Кормят-то хорошо? Может чего посерьёзнее надо? Принести-то чего?

Антон уже не дежурно, а искренне улыбнулся.

– Меня еще не кормили, мам. Я только проснулся... Ты мне мою зарядку для телефона принеси...

– Так я принесла, сынок...

– Отлично! – Антон сразу же по-деловому начал хлопотать со связью. – А кстати! Ты как узнала-то?

– Так из отдела дежурный позвонил...

И снова, вспомнив свой ужас от услышанного тогда по телефону, мать начала плакать. Не громко рыдать, переполненная неизбывным страхом и болью за сына, а тихонько хныкать в платочек. Антон даже отвернулся, чтобы не видеть жалкого лица плачущей матери, хлопаяющей и сопящей тихо и смиренно – привычно! Это становилось невыносимо. Не от жалости к ней – от её «жалкости».

Он стыдился. Отгонял эти мысли, но они упорно одолевали его своей назойливостью...

«Господи! Как же ты мне надоела! Ну, был когда-то смысл в твоей жизни... Я! Маленький. Но теперь-то... Да и тогда! Ребёнок, дети как смысл в его сугубо биологической сути... Животный это смысл... Не человеческий... Ничего интересного... Доброта? Не бывает интересной. Злость интересна! Причины злости... Господи, сколько же у тебя их было и есть!.. Способы проявления злости... Цели, если злость небезотчётна... Они, кстати, могут быть самыми добрыми. Надо только уметь понимать, где для добра злость нужна. Но с пониманием у тебя... Увы!..»

Последняя и давняя очевидность, словно бы теперь заново сформулированная, даже не резанула своей проникающей остротой, а разодрала сознание Антона своими зазубренными, как у орудия пытки, краями. Удивительно, остроту ощущения при этом он никак не мог бы назвать болью... Наоборот! Даже дышать стало свободнее.

«...А есть ли у тебя то, чем понимают-то?! Ты ж прожила так, что тебе мозги ни разу не нужны были!..»

Малой даже головой потряс – в ней был уже явный перебор. Мать ведь! Пришлось заговорить, чтобы отвлечься:

– Ладно, мам... Перестань! Ничего страшного... Полежу тут... Отдохну... Этих чертей найду обязательно – ребята из отдела помогут... Я одному точно челюсть сломал. Проявится! Такое своими силами не лечится...

Она заулыбалась было от уверенности сына, но услышав подробность про ещё одну возможную травму, ужасно серьёзную, пусть не у него самого теперь, но напрямую с ним связанную – его рук... точнее, ног дело! – снова скривилась в приступе страха и плача.

Антон распечатал принесённый ею сок, налил и дал ей чашку:

– На, попей... Успокойся... Что-то ты совсем расстроилась... Расстраиваться по пустякам стала... Это не мне – тебе нужнее в больнице-то полежать. В невралгии... Точно!

Малому самому так понравилась эта идея, высказанная в виде взбадривающей шутки, что он даже заёрзал на койке.

«Точно! Надо ей магнитно-резонансную томографию сделать... Посмотреть, что там у неё есть... Идея! Хотя, как можно верить этим картинкам, получаемым некими „волшебниками“ в белых халатах, когда они и сами-то не всё как следует понимают?! Это вот для неё и для таких же правдой выглядит то, что они „лепят“, как и вся остальная „залепуха“, что ей по жизни в голову „втирают“, а я, уж извините, напрямую с людьми поработаю».

Ему нестерпимо захотелось действовать прямо сразу. К тому разговорчивому доктору и обратиться. Он, кажется, зав. отделением? Вот, как раз! К тому же у него явно было – есть! – что Антону сказать... Рассказать даже!

– Ну всё, мам... Успокоилась? Не переживай. Зарядку принесла – телефон работает. Связь налажена. Не задерживайся тут, а то ты только расстраиваешься понапрасну. Давай прощаться. Мне к доктору надо...

– Прощаться?! – она снова до слёз испугалась.

– Ой-й! – Антона даже перекосило от раздражения. – Не цепляйся к словам. До свидания!

Взгляд в детство и юность – Мать

Антон рос без отца. Он о нём ничего не знал кроме фамилии. Своей унаследованной от него фамилии. Мать никогда о нём не рассказывала. Но, надо думать, относилась к нему и помнила его с трепетом, раз дала сыну не свою, а его фамилию. Может быть, для рассказа ждала, когда сын станет взрослее. Антон ни о чём её не спрашивал, хотя и очень хотел узнать, кто его отец и почему он не с ними. Впрочем... Взрослея и глядя на свою мать уже не детскими глазами, Антон не удивлялся, что у неё никого нет. Он понимал, что на такую женщину может клюнуть только такой же, как она, ущербный человек.

Его матушка, назовём её Мариванной, была женщиной доброй до невозможности, отчего и тянула по жизни свой многопудовый крест, который всегда есть кому взвалить на плечи совестливого человека. Вселенская жалость к людям вообще, желание им всем хоть как-то помочь во всевозможных житейских трудностях, неяркий, даже убогий ум и чрезмерная впечатлительность заставляли Мариванну плакать перед телевизором не только на глупых, слезливых сериалах, но иногда даже и на мультфильмах. Антон подозревал, что и он-то родился потому, что она когда-то расчувствовалась от чьих-то пьяных и забубённых рассказов, да и пожалела расшалившегося гуляку. Антон боялся, но не удивился бы, если вдруг оказалось, что он – результат некоего мужского, пьяного и грубого, циничного и весёлого спора. Так ведь бывает и в книгах, и в жизни. Повод так думать мать усиливала еще и постоянно виноватым выражением глаз при разговоре с сыном.

Внешность у Мариванны была никакой. Никаких крючков. Ничто не цепляло. Ни уродства, ни красоты. Ноль! Обычная смиренная, даже эталонная мать-одиночка, для которой единственный болезненный сын – это и есть весь смысл существования. Чисто природный смысл – родить потомство и вывести его в мир, когда оно сможет пасть самостоятельно. Потом и помереть так же, как и жила – смиренно и спокойно.

Работала она простым инженером. Как начала после института, так и работала всё время. Ясно было, что так и на пенсию уйдёт. Никаких амбиций. Никакого честолюбия. Инженер и всё. То ли хороший, то ли плохой – непонятно. Просто инженер. Что написано в должностной инструкции, то и делает. Никаких неожиданных всплесков или провалов –

абсолютная предсказуемость. Стопроцентная добросовестность при полном отсутствии импровизаций.

Единственной неожиданной удачей в жизни Мариванны была квартира, благотворительно, как матери-одиночке, выделенная ей словно бы с барского плеча районной администрации. Пропиарился таким образом один из местных депутатов. Показал конкретную заботу о конкретной неполной семье. Повезло Мариванне попасть в его поле зрения.

Впрочем, почему – единственная удача? А сын?! Ребёнок для любой женщины, пусть даже и без законного мужа – это ведь тоже удача. По природе вроде как обязанность... Но и удача тоже. Счастье!

Когда дела с новой квартирой начали реально налаживаться, то, чтобы жильё было хотя бы двухкомнатным, ей, по совету бедовых сослуживиц – настоящих подруг у неё не было, пришлось единственный раз в жизни пойти на ухищрение и фиктивно ввести в состав семьи своего отца, специально для этого выписавшегося со своей жилплощади в другом городе. Проводя эту, в общем-то, безобидную и привычную для всех даже не аферу, а простую житийскую операцию, Мариванна жутко нервничала, страдала бессонницей, пару раз даже собиралась во всём признаться районному начальству. Но всё-таки, выслушав заверения в успехе снисходительно улыбающихся помощников депутата и подогревая свою решительность мыслью о благополучии растущего сына, неммыслимым для себя усилием воли она смогла довести процедуру до конца и справить новоселье. Получилась типовая «двушка» для Антошки – до восторга увеличенное материнское счастье. Мариванна с тех пор считала себя счастливой женщиной. С оговорками, конечно, но, по большому счёту, – безусловно счастливой. Сын растёт – умница, работа постоянная, благоустроенная квартира для жизни – что ещё надо? Всё есть! Что есть – то и надо! А надо то, что есть уже. Круг желаний успешно замыкался. Это ли не счастье?

Мариванна радовалась даже становившемуся жестким и злобным характеру сына. Она, не искушенная в близком общении с большим количеством разных мужчин, стала считать, что у него это и есть взросление и возмужание. Мать со своего сына пыль сдувала. Всячески ему потакала и искренне им восхищалась. Мариванна, можно сказать, пребывала в состоянии родительской эйфории и экзальтации. И грешно было бы судить её за близорукость. В её малорадостной жизни сын был единственным «светом в окошке». А с его взрослением она стала его ещё и побаиваться, укрепляя его тем самым в его горделивой уверенности и мыслях о собственной исключительности. Антон очень рано стал жить своим умом и напрочь перестал о чём бы то ни было советоваться с матерью. Возникавшую время от времени сыновнюю раздражительность мать справедливо относила к издержкам переходного возраста и половому созреванию мальчика. В душе она мечтала, что скоро сын познакомит её со своей девушкой. Что у него будет большое и светлое чувство. Что дело пойдёт к свадьбе и внукам. Мариванна даже стала копить деньги специально для такого праздника, который обеспечит ей спокойную и счастливую старость.

Время подошло, и Антон Малой, блестяще закончив школу, без проблем – взяток и прочих глупостей – был зачислен на бюджетную программу университетского юридического факультета. Мариванну выбор сына только укрепил в её к нему экзальтированном отношении. Шутка ли?! Антошка... в смысле... Антон – юрист. Её сын – гений. Ну и что, что с трудом его, недоношенного, родила?.. Зато голова-то какая. Гений, несомненно! А таким трудно бывает себе избранницу найти. Быть спутницей гения не всякой бабе под силу. Им – глупым курицам – «просто женского счастья» надо. А что оно такое, это бабье счастье? Муж непьющий: с утра целует – и на работу, вечером с работы – целует и за стол ужинать. Проверит оценки у детей – и на диван к телевизору. По выходным – в зоопарк с детьми, на рыбалку с друзьями или на лыжную прогулку всей семьёй. Летом – в отпуск к морю. Своему или чужому. Потом опять на работу. На какую-нибудь глупую, даже идиотскую работу, о

которой и рассказать-то нечего. И так изо дня в день, из года в год... Тьфу! Мариванна и впрямь плюнула в душу, представив эдакое бытовое, запланированное «счастье», соотнеся его, к тому же, со своей жизнью. И ещё раз: тьфу!

А её Антошка... в смысле... Антон!.. Да он уже на порядок умнее всех своих сверстников, не говоря уже о сверстницах. Да им – телкам длинноногим – дорасти ещё до него надо! Мозги свои хотя бы наполнить как следует, раз уж они у них устроены так плохо. Да-а... Не всякая красотка её сына достойна. Им теперь за него побороться надо. И длина ног с объемом бюста – это не самые главные факторы победы в этой борьбе будут. Они, вообще, изначально в исходных данных соискательницы сами собой разумеются! Красавица должна быть, однозначно. Но с мозгами! И добрая, душевная, покорная. А как же?! Гению только такая подойдёт. Она помощницей должна стать... Вернее, не так. Не помощницей – чем она, дура, помочь-то сможет? Она попросту должна будет взять на себя всю житейскую рутину и обеспечивать Антошке... в смысле... Антону возможность плодотворно работать на благо всего человечества. То, что её сын – планетарного масштаба человек, Мариванна не просто знала – она это ещё и по-женски чувствовала. Ну... По крайней мере, ей казалось, что чувствовала.

Глава 7

Антон осторожно встал с кровати – сначала опираясь на одну здоровую ногу и пробуя бережно, не спеша, «по граммулке», переносить свой вес и на больную ногу тоже. Получилось вполне твёрдо и устойчиво. Не больно даже. Попробовал присесть... Привстать... Да работала нога как надо! И швы держали. И кровь не сочилась. Мысленно поблагодарив и поздравив хирурга с профессиональным успехом, двинулся, прихрамывая всё-таки от неудобства повязки, в туалет: облегчиться, умыться, причесаться – оправиться, одним словом. Визит к доктору предполагался по полной форме! Встреча не больного с врачом, что означало бы доминирующее положение одного и подчинённое – второго, а переговоры двух равноценных партнёров, имеющих, что друг другу рассказать и в чём посоветоваться.

Порылся в принесённом матерью пакете, нашёл салфетки, зубную щётку с пастой, мыло, полотенце – больничное отвергалось не глядя, обул домашние тапочки и поковылял, пришаркивая и припадая на негнущуюся ногу, по коридору. Медсестра на посту улыбнулась, не отрывая от уха трубки телефона, кивнула белоснежным накрахмаленным колпаком и без лишних слов задала нужное направление указательным пальцем с ногтем красного медицинского цвета. Туалет оказался неожиданно чистым. Впрочем, Малой тут же поймал себя на предвзятости – больница же всё-таки! Ну, районная... Ну, бюджетная... Но больница. Сантехника – не супер, конечно, но чистая... И работает!

Ополаскиваясь, услышал скрип входной двери и, распрямившись от раковины, увидел в зеркале за своим отражением человека с наложенной под подбородком повязкой, хитро приоткрытой к голове и напоминавшей ремешок от шлема или фуражки.

Антон даже передёрнуло от узнавания... Вернее, интуитивной догадки вначале... Однако те глаза, чьё выражение не могло быть скрыто никакими больничными бинтами – даже если бы они полностью обматывали лицо – мгновенно подтвердило догадку: он! Вчерашний! И точно – похоже, с переломом челюсти... Хотя и не сильным, без смещения. Успев даже прочувствовать лёгкую досаду от нетяжести травмы, Антон плотно прикрыл входную дверь, задвинул засов и встал спиной вплотную к стене напротив кабинки, в которой журчал его враг.

Надо думать, что он теперь был без ножа... Да даже если и с ним! Малой подсогнул и сделал ноги пружинистыми, забыв про собственный порез, и быстро размышлял, «выключать» его сразу напрочь или только башкой в унитазе прополоскать. Главное, чтоб опомниться не успел, когда узнает... А узнать должен обязательно!

Открылась дверь, и Антон в готовности номер один сделал секундную паузу, чтобы тот смог проникнуться всей трагичной для себя торжественностью встречи. Зря, как оказалось... Хулиган понял всё даже не в секунду – быстрее! Он двумя руками толкнул Антона от себя, пытаясь проложить путь к отступлению и объявлению тревоги в коридоре. Но Антон, забраный весь внутрь себя, словно пружина, мгновенно отскочил от стены и преградил дорогу к входной двери. Сцепились. Начали кряхтеть. Малой чувствовал, что нога у него всё-таки есть. И она нездорова! Поэтому ею же, неспособной твёрдо держать усилие двух напряжённых тел и максимально согнутой в колене, он двинул противника куда попало, одновременно рывком склоняя его в пояс. Попало под рёбра. Дыхание-сопение прервалось. Усилие ослабло, и Антон оттолкнув врага руками посильнее и оттолкнувшись ногой для прыжка – снова той же, травмированной! – и приземляясь на здоровую, больной-рабочей ногой «ножницами» врубил тому в подставленную в сгибе морду.

Не успевая разогнуться, а только вскинув хрустнувшую голову и перебрасывая центр тяжести на задницу, хулиган словно бы приподнялся в воздух – а может и впрямь подлетел – такой удачный удар получился, и, перебирая в конце пути ногами, пытавшимися догнать собственное тело, въехал задницей в вымазанное белой краской окно с низким подоконником.

Стекло не треснуло, а лопнуло под натиском уже всей падающей в него спины и посыпалось наружу, расцвечивая своими игривыми блёстками и осыпая раскидистым звоном рухнувшее на улицу тело. Третий этаж... Тело не двигалось. Антон успел испугаться – чересчур вышло... Вывалилось даже!

Но тут же ментовская сущность, усугубленная уверенным знанием юридических основ, взяла в нём верх над испугом, и он быстро открыл засов и выбежал в коридор, состроив растерянное выражение лица.

– Помогите! Скорее! Человек выпал из окна...

Малой, не сильно – встревоженная травма уже опять начала проявляться – но всё-таки симулируя хромоту для предупреждения чужих подозрений, колченогим галопом заковылял по коридору мимо поста медсестры к лестнице.

– Скорее! Скорее! Беда!

Медики, подхваченные шумом и сопровождаемые взволнованными взглядами способных выглядывать из дверей пациентов травматологии, устремились за Малым по лестнице вниз.

Когда Антон добрался до места на углу здания больницы, там уже в суетливой и возбуждённой толпе гулявших свидетелей-больных, наперебой рассказывавших друг другу увиденное, какие-то белохалатные люди пытались реанимировать бездыханное тело пострадавшего.

Малой хотел было начать кудахтать о том, как всё произошло на его глазах: как человеку стало плохо в туалете, как он закачался, как его повело, он начал падать, а Антон, видя неизбежность, пытался его подхватить и даже почти успел схватить несчастного за одежду, но проклятая нога подвела – он не успел поймать бедолагу и вытащить его из пропасти третьего этажа... Но передумал. Паническое кудахтанье было бы тоже чересчур для полицейского, должного привыкнуть – а так и было! – к виду человеческих несчастий. Однако он пролез поближе к эпицентру событий.

Сохранившая повязку на бороде голова упавшего лежала боком на бордюре палисадника, как на подушке... Влажной от крови подушке... При этом череп, как аккуратно уполовиненный горшок, был очевидно расколот, и его верхняя часть кроме того, что была раздроблена, была ещё сбита и смещена ударом. Антон обошел место происшествия так, чтобы встать там, откуда открывался страшный в своей откровенности вид разбитой головы. С этой стороны никого не было – жутко было смотреть, и даже страдающие от скуки больные здесь не скопились. Малой подошёл совсем вплотную и заглянул внутрь «горшка». Черная пустота... Что-то ещё продолжало течь из него, мерзостное в своей тягучей сути, но никаких сгустков и близко не было – кровавая лужа и всё. «Пустой!» – подумал Антон с таким облегчением, словно бы убедился в оправданности своей шаткой гипотезы, столь долго лелеемой интуитивно, что не оправдайся она, то и вся жизнь псу под хвост.

– Что, простите?

Оказалось, что он не только подумал, но и проговорился-таки. Антон повернулся и увидел стоящего рядом с ним давешнего доктора из обхода, смотревшего немигающим взглядом даже не на, а внутрь Антона через его же глаза. Во взгляде доктора тоже виделось удовлетворение от подтверждения каких-то собственных мыслей.

– Понимаете, доктор... Я был в туалете... Умывался, – Малой заговорил так судорожно, опять же интуитивно чувствуя, что надо отвлечь доктора своим волнением, словно бы не слышал вопроса. – А тут он... Ну он и он... Я внимания не обратил... Слышал только, что дверь открывалась-закрывалась... А когда голову-то от раковины поднял, его уж назад клонило... Падал, значит! Прямо на окно! Я-то сообразил, что он не в себе... Мало ли?! Больница ведь... Ну я к нему... Да пока на своей ноге-то до него допрыгнул, он уж и вывалился... Кто только додумался в больнице – в травматологии! – такие низкие подоконники ставить?..

Врач стоял и кивал головой, то ли соглашаясь в понимании, то ли подбадривая Антона в его вранье... Скорее – второе! Потому что он так и не переставал смотреть ему прямо в глаза, сменив только выражение лица на неуловимо насмешливое.

– Это вы, батенька, сейчас коллегам своим рассказывать будете...

Эту фразу доктор проговаривал, уже меняя одновременно лицо на злобное от наступавшего понимания того, что и самому ему придется несладко – он тут за старшего, ЧП в его вотчине, с него и спросят... На него и навешают!

Скоро приехала полиция. Без тени интереса в лицах – несчастный случай – пустое дело, проформа. Но в составе группы был тот самый судмедэксперт, которого участковый Малой запомнил на самоубийстве. Антон понимал, что его сейчас же начнут отвлекать расспросами о том, как всё случилось, и он молил полицейского бога, чтобы эти расспросы... да что там!.. чтобы допрос его как свидетеля – а кого ж ещё?! – начался чуть позже. Он хотел посмотреть на реакцию судебного медика, заглянувшего внутрь черепной коробки покойника.

Тот посмотрел – никакой реакции... Скучающее в рутинной повседневности лицо, словно бы пустота разбитого горшка – это так и надо, так и должно быть.

– Он нигде больше не ударялся...

Замечание Антона прозвучало настолько двусмысленно для него самого – знающего суть дела, что он даже испугался: мол, раньше времени начал оправдываться. Но на эксперта, пребывавшего в неведении и по виду плевавшего на ход этой истории, оно подействовало, как надо – он не просто обратил внимание на Малого – он к нему присмотрелся. Узнал. Слегка удивился его больничному виду. Сказал глазами: «Ну, мало ли...» и спросил:

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что голова его раскололась уже здесь... И никто к ней до вас не подходил...

Эксперт отвёл глаза туда, куда смотрел Малой – на зияющий чёрной пустотой череп.

– ... Я следил, чтобы всё оставалось так, как есть. Вернее, было... Так всё и было... При жизни!

Реакция после этих уже отнюдь не двусмысленных откровений обязана была последовать, и она уже выражалась в глазах, повёрнутых обратно на Антона, но озвучание не успело состояться – Малого дёрнули-таки для дачи показаний.

– Здравия желаю.

Участковый Малой сразу обозначил себя как своего. С ним и говорили после этого как со своим, случайно оказавшимся свидетелем несчастного случая, лежавшего целиком на совести недоглядевших за больным врачей.

Он, наконец, вернулся в палату. С облегчением улёгся. Бережно устроил на койке больную ногу, которая после отвлечения от суеты стала чётко напоминать о себе – раненой. Положил голову на подушку и закрыл глаза.

«Пустоголовый... Ничего удивительного... У него, козла, даже на мёртвой роже... Полу-роже – лба-то нет... Ха-ха... Даже на оставшейся части морды можно тупость увидеть! Гопник – откуда там мозгам взяться-то? Да и зачем?! С мозгами таким сложнее... Опаснее – весу больше. Были бы мозги, голова вообще бы вдребезги разлетелась! А так, хоть в незакрытом гробу закопают... Родня над дорогим лицом поплачет...»

Антон даже представил эту сцену прощания: усопший в гробу с бумажной лентой на голове, прикрывавшей своей какой-то церковной записью отсутствие лба. Цветочками ещё похоронщики прикроют, наверное. Только мёртвое лицо и оставят, чтобы поприличнее выглядел.

«Словно ему не по фигу уже, как он выглядит. Не-ет, церемония похорон нужна не мёртвым, а живым – это они закостеневшую бездушную куклу моют, обряжают... Плачи, как песни, над ней поют... Кадилом машут... Духов отгоняют... Папуасы! Потом закопают...»

Или сожгут... Напьются и через неделю, а то и раньше, если с похмелья, забудут... Точно, папуасы...»

Разбудила его медсестра:

– Вам письмо передали...

– Как-какое письмо? О-ё-й! Чёр-рт... – Антон спросонья так дёрнулся, поднимаясь, что потревожил ногу.

Медсестра, сияние молодости которой сошло к концу дня, и улыбка которой стала усталой – ещё бы, такое ЧП на смене! – сунула ему в руку конверт и, развернувшись, ответила уже уходя:

– Не знаю. Передали и всё...

– Кто?

Она всё-таки притормозила в дверях – воспитанная!

– Посыльный какой-то... Мальчишка... Сказал: вам... И всё.

Малой согнал с себя остатки сна и повертел конверт в руках: написано только в графе «Кому» его имя и фамилия. Обратных данных нет. Конверт как конверт. На свет глянул – листочек там внутри. Надорвал. Достал. Печатные буквы:

«Я знаю, что произошло в туалете. Я знаю, что дверь была закрыта, когда там ВСЁ случилось. Менты не взяли вас в оборот только потому, что вы тоже мент. Но другие следственные органы могут сегодняшним фактом заинтересоваться. Ждите указаний!»

Виски запульсировали. Хотя и было в конце это дурацкое «Ждите указаний!», но серьёзности оно только добавляло – дилетант, стало быть, любитель – такого может с испугу или с дури наворотить! А что он... или она собирается воротить?

«Шантаж?! Очень может быть... Ведь если только узнать подробности вчерашнего вечера, то улика налицо! Косвенная? Это смотря как повернуть!.. Но писавший тех подробностей не знает... Точно! Знал бы – глушил бы по полной программе. О них вообще никто не знает – даже упомянутые менты. После драки никого не задержали... С меня только показания сняли уже в больнице... Кто был тогда? Так... В приёмном покое дело было... Менты были, пэпээсники... Медики тоже слышали, пока раздевали, кровь останавливали... Вот с них и начнём...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.